

П. С. ВОЛКОВА,

профессор кафедры философии и отечественной истории Ивановского государственного института ГПС МЧС России, доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, член Союза композиторов России

ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ: ДИАЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сегодня проблема диалога как единства познавательного и этического, данного и созданного, внутреннего и внешнего представляет наибольший интерес в сфере гуманитарного знания. В то же время, тенденция к диалогизации науки, заявляющая о себе в рамках каждой отдельной дисциплины, должна привести к неизбежной встрече философии и искусствоведения, психологии и лингвистики, педагогики, литературоведения и риторики. Основанием для актуализации диалогической ситуации, складывающейся между названными областями знания, может послужить ряд обстоятельств.

Во-первых, следует вспомнить о близости философии и искусства, которая определяется тем, что обе стимулируют в человеке процесс смыслообразования. При этом разница, на которую указывал еще Я. Э. Голосовкер, состоит лишь в том, что первая занимается *смыслообразами*, а вторая — *смыслообразами*.

Во-вторых, уже давно существующая связь между психологией и лингвистикой может быть значительно более глубокой и тесной именно вследствие совместной работы над идеей диалогической природы сознания, автором которой является М. М. Бахтин, прежде всего, тем ее аспектом, который в черновых записях ученого получил название феноменологии лжи. Напомним, что речь в данном случае идет о зазоре между внешним и внутренним, который, по М. М. Бахтину, является наиболее современной и актуальной формой зла.

В-третьих, тот факт, что риторика одновременно выступает и как школа мысли, и как искусство красноречия (Ю. В. Рождественский), свидетельствует о наличии точек соприкосновения между риторикой и собственно педагогикой, являющей собой «школу жизни» подобно литературе (Л. И. Шестов).

Наконец, самым существенным основанием для выхода упомянутых дисциплин в пространство большого диалога, становится текст как таковой. Специально заметим, что традиционное для филологии понятие давно уже перестало быть принадлежностью какого-либо одного предмета. Поскольку же сегодня под текстом культуры принято понимать «связную, компактную, воспроизводимую последовательность знаков или образов, развернутую по стреле времени и обладающую смыслом, в принципе доступным пониманию»¹, нельзя не признать следующего факта. В представленном контексте интересующее нас понятие оказывается настолько емким, что вбирает в себя не только произведения искусства, архитектурные строения, парки и усадьбы, но и самого человека. Текст, таким образом, оказывается в самом центре диалогической ситуации, выступая в качестве смыкающего акт коммуникации компонента.

Как осуществить диалог, устранив зло во взаимоотношениях человека и окружающего его мира? Развернутый ответ на поставленный вопрос будет, как мы надеемся, своего рода иллюстрацией преимуществ того большого диалога, от состоятельности которого выиграем все мы, и здесь первый наш шаг будет связан с психологией и лингвистикой.

Пытаясь предупредить возможную утрату личностного смысла, которая влечет за собой устранение сознания как подлинного регулятора жизни, А. Н. Леонтьев ставит перед сознанием ряд задач, первая из которых — осуществлять себя как познающее сознание. Процесс этот может протекать либо в сторо-

¹ Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М., 1998.

ну развития значения, либо в сторону усвоения и использования прежних значений. Далее, в задачи сознания входит осуществление себя как «смыслообразующего сознания». А. Н. Леонтьев называет эту деятельность «задачей на смысл» и предлагает решать ее в два действия: открытие «значения для меня» и выражение открытого¹.

Применительно к речемыслительной деятельности субъекта, эти задачи могут рассматриваться таким образом, что одна из них оказывается связанной с областью знаков языка как внешними формами речевого потока, то есть с их усвоением и расширением сферы пользования. Другая — с проникновением во внутреннюю форму языка или выходом на эмоционально-непосредственный личностный смысл с последующим его выражением как посредством слов, так и посредством любого другого материала — красок, глины, камня, звуков и т. п.

Поскольку поиск способа решения этих задач выводит нас на проблему структурных связей литературного произведения с социально-языковыми объединениями, необходимо оговорить, что обнаруженный при этом имманентный анализ языка литературного произведения, предложенный В. В. Виноградовым, оказывается лишь одним из возможных

вариантов, приемлемых лишь по отношению к вербальным текстам. Что касается невербальных текстов культуры, в том числе, изобразительных и музыкальных, то здесь уместнее говорить об анализе социальной деятельности как *исходной универсальной целостности*, по отношению к которой собственно язык выступает частной формой.

Четкое определение процедур анализа этой деятельности мы находим в трудах методолога Г. П. Щедровицкого¹. Последние могут быть представлены рядом операций. Прежде всего, операцией **разложения** текста на части и последующего **объединения** частей в целое. Далее, операцией **отождествления** исходного целого и вновь созданной структурной целостности. Наконец, операцией **погружения** элементов и объединяющей их структуры как бы внутрь целого и последующего их **«извлечения»** из этого целого. Следование процедурным нормам обеспечивает момент **согласования противоречий**. Результат «наложения» на уже существующую структурную организованность (текст как данное) новой организованной структуры (текст как созданное) свидетельствует о состоятельности диалога сознаний в триединстве этоса, логоса и пафоса как категорий риторики.

¹ Леонтьев А. Н. Избранные психологические труды. М., 2004.

¹ См.: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.